

И. Ю. Винокурова**СОБЫТИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ОБНОВЛЕНИЕМ ИКОНЫ,
В ПРИХОДСКОЙ ЖИЗНИ ВЕПСОВ ШИМОЗЕРЬЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ РУКОПИСЕЙ К. А. СИЛАКОВА)¹**

Статья затрагивает практически не исследованный вопрос: иконопочитание в вепсской традиционной культуре, – который рассматривается на основе уникального архивного источника – рукописей К. А. Силакова о дореволюционной жизни вепсов Шимозерья. В 1958–1959 гг. из-за экстремальных социально-экономических условий, возникших по вине областных властей, жители Шимозерского края вынуждены были оставить свою малую родину в Вытегорском р-не Вологодской обл. и переселиться в другие места. Это переселение, вошедшее в историю вепсского народа, как *шимозерская трагедия*, вызвало незатухающий интерес к исчезнувшей группе, в связи с чем введение в научный оборот рукописей К. А. Силакова приобретает особую актуальность. Представление К. А. Силаковым рукописей как *повестей*, их названия и содержание позволяют отнести их к виду словесности, получившей в науке название «*наивная литература*». Анализ таких текстов предполагает определение достоверности имеющихся фактов, а также особый исследовательский подход к ним в зависимости от цели изучения. Цель статьи – рассмотрение описанных в рукописи событий приходской жизни шимозерских вепсов, в связи с обновлением иконы Божией Матери, в контексте исторической и этнографической информации для более полного освещения этой малоизвестной в вепсоведении темы и исправления некоторых искаженных автором моментов. Как показал контекстуальный анализ нарративов, в них запечатлены реальные события и действующие лица, фигурирующие под подлинными именами, однако, оценивающиеся автором в духе советской идеологии, что, безусловно, повлияло на задуманное им достоверное описание шимозерских событий. Тем не менее, рассмотрение нарративов в контексте и во взаимосвязи с архивными документами и опубликованными данными продемонстрировало продуктивность исследования «*наивной литературы*» на историко-этнографическую тематику, позволив существенно расширить знания об иконопочитании в вепсских деревнях и в частности населения Шимозерья.

Ключевые слова: вепсы, этнолокальная группа, нарративный источник, православный приход, почитание икон, обновление иконы, паломничество, праздники.

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-3-540-548

В Архиве Карельского научного центра хранятся 3 рукописные тетради вепса Кирика Артамоновича Силакова (1895 г.р.), которые остались обойденными вниманием исследователей [НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 50. № 371. 74 л.; № 372. 147 л.; № 373. 98 л.]. Между тем, тетради эти нуждаются в детальном исследовании, поскольку представляют собой уникальный нарративный источник о дореволюционной жизни этнолокальной группы *шимозерских вепсов*. Шимозерские вепсы, проживавшие в Вытегорском р-не Вологодской обл. (по дореволюционному административному делению эта территория входила в состав Шимозерской вол. Лодейнопольского у. Олонецкой губ.), являлись одной из значительных групп вепсского народа. Об этом говорят следующие цифры: в 1950-х гг. в Шимозерье насчитывалось 60 вепсских деревень, составляющих 7 сельских советов, в которых проживало более 5 тыс. жителей [Петухов 1995, 443]. К сожалению, об этой группе теперь приходится говорить в прошедшем времени.

В 1958–1959 гг. из-за экстремальных социально-экономических условий, возникших по вине областных властей, жители Шимозерского края вынуждены были оставить свои родные места и переселиться в поселения южного Прионежья (Володарское, Гимрека, Ошта, Мегра, Вознесенье), верховьев Ояти (Немжа, Ладва, Курба) и Суды (Пяжелка, Колашма). Переселение шимозерских вепсов, вошедшее в историю вепсского народа как *шимозерская трагедия*, было пронзительно описано знаменитым уроженцем этих мест писателем А. В. Петуховым [Петухов 1995, 442–446]. Эта трагедия вызвала незатухающий интерес к исчезнувшей группе, к ее истории и культуре, со стороны детей и внуков *шимозеров*, родившихся и выросших уже на другой земле, а также многих краеведов и иссле-

¹ Исследование выполнено в рамках Государственного задания КарНЦ РАН [№ АААА-А18-118030190092-2].

дователей. Об этом, например, свидетельствуют деятельность созданной в интернете группы «Весь уходящая», инициатором которой стал Александр Омшев – бывший житель Шимозерья; постоянные посещения этой заброшенной территории туристами.

Переселение стало и одной из главных причин плохой изученности вепсов Шимозерья в историко-этнографическом отношении, в связи с чем введение в научный оборот рукописей К. А. Силакова приобретает особую актуальность. Рукописи были сданы в архив в 1980 г. уроженкой Шимозера историком Г. Н. Богдановой, которые ей прислал автор с просьбой опубликовать их или сдать в архив. Как следует из письма, он мало надеялся на публикацию: «Я не писатель, а имею образование пять классов сельской школы, тем более отсутствует и грамматика» [НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 50. № 371. Л. 1].

Автор обозначил свои рукописи, как «книги», под общим названием «Повесть о жизни вепсов Шимозерского края при царизме. 1870-1914 гг.». Первая книга, объемом 74 листа, состоит из трех повестей (одна – в стихах), которые носят названия: «Живой цветок любви», «Испытанная любовь» и «Свадьба купеческой дочери». Они посвящены теме заключения браков по любви или по воле родителей в шимозерских деревнях. Вторая книга (147 л.) включает 6 повестей: «Поп и религия. Новоявленная икона Божьей матери», «Празднование Пасхи», «Крещенская ярмарка», «Бурлаки», «Арест Михаила Родькина» и стихотворения о родине, одно из которых связано с шимозерской трагедией и называется «Осиротелое Шимозеро» (рис. 1, 2). Третья книга не структурирована и состоит из 98 листов.

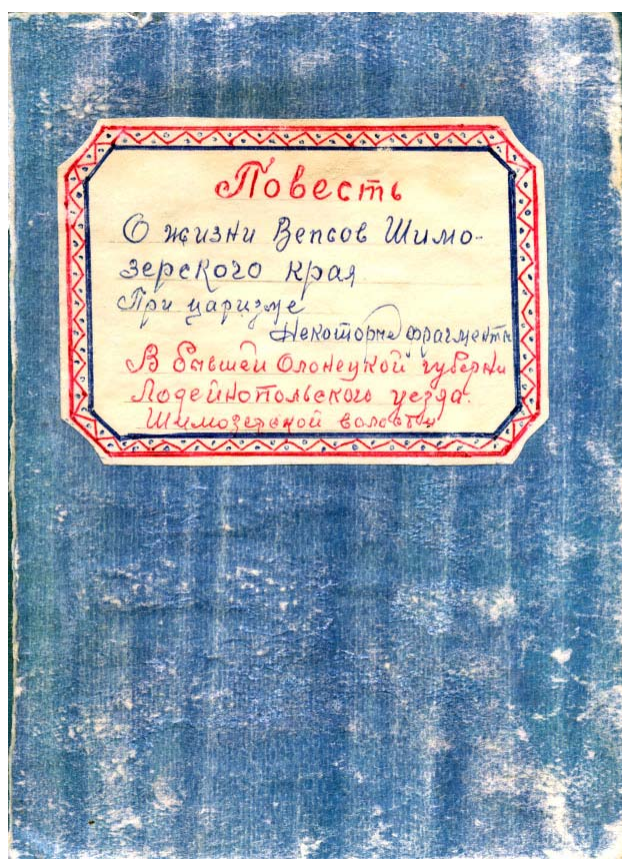

Рис. 1. Обложка второй книги К. А. Силакова «Повесть о жизни вепсов Шимозерского края при царизме. 1870–1914 гг.»

Содержание		№ л. Стр.
Поп и религия =		
Новоявленная икона Божьей матери		1/530
Празднование Пасхи =		53
Охота на медведя в лесах Шимозера		81
Стихи о родине =		106
Стихи осиротелое Шимозеро		113
Крещенская ярмарка		119
Бурлаки		132
Арест Михаила Родькина		142

Рис. 2. Оглавление второй книги К. А. Силакова

Представление К. А. Силаковым рукописей как повестей, их названия и содержание позволяют отнести их к виду словесности, получившей в филологической науке название «наивная литература» (термин С. Ю. Неклюдова), – это письменно-художественные тексты, которые создаются непрофессиональными авторами. С. Ю. Неклюдов выделил некоторые особенности этого вида словесности: тексты наивной литературы «ориентируются на литературные (а не на устные) образцы; самими создателями они расцениваются как продукт индивидуального творчества (а не коллектива), включая выраженное авторское начало (в противоположность анонимному голосу фольклорной традиции).

Соответственно, образцы "наивной литературы" представляют собой "разовые" (и в этом смысле уникальные) произведения» [Неклюдов 2001, 4]. В число авторов таких произведений часто входят пожилые люди, имеющие всего несколько классов образования (прежде всего – сельские жители).

При проведении анализа таких нарративов важным представляется определение достоверности имеющихся фактов и выводов; обоснованность интерпретации текста (с учетом исторической реальности и условий создания текста), а также исследовательский подход к ним [Приборович 2011, 153].

По наблюдению С. Ю. Неклюдова, «взрослые» авторы чаще создают произведения на «достоверной» основе [Неклюдов 2001, 5]. В правдивости рукописей о жизни вепсов Шимозера заверяет нас и К. А. Силаков: *«они написаны со слов и рассказов отцов и дедов, а главное – все написано из действительной жизни, без всякой фантазии. Многие я сам помню, потому что до 22 лет я жил тоже при самодержавии»* [НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 50. № 371. Л. 1]. Как показал анализ нарративов, несомненно, что в них запечатлены реальные события и действующие лица, фигурирующие под подлинными именами. Однако оцениваются они автором в духе советской идеологии достаточно примитивно: зажиточные крестьяне, купцы и попы – это всегда отрицательные персонажи, стремящиеся только к наживе путем обмана бедного люда, а бедняки – люди, бесспорно положительные, вызывающие сочувствие. Мировосприятие автора, подвергнувшегося мощному воздействию советской пропаганды, ставшему ярким атеистом, безусловно, повлияло на задуманное им описание шимозерской действительности.

Цель статьи – рассмотреть описанные К. А. Силаковым события приходской жизни шимозерских вепсов конца XIX – начала XX в., связанные с обновлением иконы Божией Матери, в контексте исторической и этнографической информации для более полного освещения этой малоизвестной в вепсоведении темы и исправления некоторых искаженных автором моментов.

В фокусе нашего внимания оказался Шимозерский Знаменский приход, носивший двойное наименование: первое по названию местности, где он располагался; второе – по названию главной погостской церкви. На погосте располагались две церкви: Георгиевская (деревянная), по клировым ведомостям возведенная в 1600 г. неизвестно кем, и Знаменская (каменная), построенная в 1808 г. (рис. 3). Приход был довольно большой, в него входило 30 деревень [Овчинникова 2019].

Рис. 3. Современный вид Шимозерского погоста. Церкви: Георгиевская (деревянная) и Знаменская (каменная). Фото А. А. Башкарева, 2012 г.

Одним из событий, прославившим Шимозерский Знаменский приход, судя по повести К. А. Силакова «Поп и религия. Новоявленная икона Божьей матери», стало обновление иконы Божией матери. Подлинность этого события подтверждается архивным документом из фонда «Олонецкой духовной консистории», который был обнаружен и впервые опубликован М. В. Пулькиным: «В начале XX в. в Шимозерском приходе в одном из крестьянских домов “икона сама собою просветлела, очистилась от насевшей от времени пыли и грязи”. Вскоре выяснилось, что икона и чудотворная: “некоторые из моливших пред сею иконою получили облегчение от болезней”. Ее слава быстро облетела далекие и близкие селения: “услышав об этом, не только местные и окрестные поселяне, но и из дальних мест стали приходить богомольцы на поклонение иконе целыми толпами”» [Пулькин 2009, 222].

В рукописи К. А. Силакова те же самые сведения отличаются большей полнотой. Автор указывает точный крестьянский дом, в котором произошло обновление иконы. Он находился в д. Сюрьга (Никитская) и принадлежал бедняцкой семье, еле сводившей концы с концами, – старику Абраму Петровичу Гаврилову и его жене Пелагее, которым шел восьмой десяток лет. Фамилия Гавриловы – подлинная, характерная для д. Сюрьга и отражающая патронимию.

Место, где произошло чудо обновления иконы, представляло собой «*маленькую кривую избушку как баенку*» [НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 50. № 372. Л. 12]. В киоте у Абрамовых находились прокопченные иконы святых апостолов Петра и Павла, Зосимы и Савватия Соловецких и Распятия Иисуса Христа. «*А в стороне от божницы на полочке лежала какая-то почти незаметная пыльная и грязная доска: или икона или просто доска, но совсем безлика*». По сообщению хозяйки дома, «*эта святая доска была подарена ей в приданое от отца, когда она выходила замуж. Тогда никакого лика тоже не было видно. И если она святая доска, и подарок от отца как святыня, бросать ее очень грешно*» [НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 50. № 372. Л. 9]. Икона действительно входила в приданое вепской невесты: обычно её дарили отец или крестный отец [Винокурова 2019, 403-404]. Судя по приведенному сообщению, в Шимозерье подаренные по наследству поблекшие иконы считалось грехом выбрасывать. Для сравнения приведем сведения о несколько ином обращении с такими иконами у русских крестьян: старые иконы с поблекшей краской они ставили в божнице на задний план, прилаживали во дворе или над входом в сени, а ветхие иконы могли пускать по реке со словами: «Прости нам, Господи!», – погребать на кладбище или зарывать в саду [Цеханская 2001, 307].

Как известно из истории самопроизвольного прояснения изображений на иконах, характер их обновлений бывает разнообразен. Иногда икона обновляется постепенно, в течение нескольких дней или недель, иногда – мгновенно [Гришечкина 2006]. Судя по рукописи К. А. Силакова, появление изображения на безликой доске Пелагеи Гавриловой происходило постепенно, начиная с августа 1903 г. и кончая святой рождественской ночью накануне 1904 г., когда «*образ Богородицы совершенно очистился*» [НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 50. № 372. Л. 34]. Эта дата соответствует данным, приведенным И. С. Бутовым и Н. В. Томиным, выделившими периоды массового обновления икон, которые были связаны с кризисными ситуациями. В XX в. началом первого периода самопроизвольного очищения старых образов следует считать 1904 год, когда и произошло обновление шимозерской иконы. В этот период как раз закончился мировой экономический кризис (1900–1903 года), переросший в России в депрессию, длившуюся до 1909 г. К тому же в 1904 г. Россия вступила в войну с Японией [Бутов, Томин 2018, 22].

К. А. Силаков называет новоявленную икону «*поручицей божьей матери Марии*» [НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 50. № 372. Л. 34]. Можно предположить, что это был список с иконы Божией Матери «Споручница грешных». Икона была названа так по характерной надписи, сохранившейся на ней: «*Аз Споручница грешных к Моему Сыну...*». О надписи на иконе сообщает и К. А. Силаков.

В рукописи, как и в книге М. В. Пулькина, приводятся данные о начавшемся паломничестве на шимозерские земли в связи с новоявленной иконой. Как известно, путешествие к святыням включало обязательные трудности. Одной из тягот было непременно пешее хождение к святому месту. Описание такой особенности передвижения можно найти и в рукописи: «*Несмотря на зимние морозы, стужу и суровую погоду со всех концов России идут в Шимозеро (Шимьярь) богомольцы. ... Идут пешком сотни и даже тысячи верст с котомками за плечами и каждый из них несет жертву новоявленной иконе*» [НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 50. № 372. Л. 35]. Если к этому сообщению добавить еще описания природы Шимозерского края, сделанные дореволюционными авторами, то трудность паломничества к иконе обретет особую выразительность. Так, Е. Ливеровский «местность в Лодейнопольском у. под названием Шимозера» характеризовал как «самую изобильную всеми дикими зверьями, какие только любят обитать у нас» [Ливеровский 1875, 280]. «Она со всех сторон верст на 40 и более окружена дремучими лесами, которых во многих местах, удаленных от сплавных рек, не касалась еще рука человека» [Ливеровский 1875, 280].

В рукописи перечисляется состав паломников, который был значительным и неоднородным. Как указывает автор, это были «люди разных сословий, крестьяне и интеллигенция, богатые и бедные, монахи и монашки. Бредут и нищие, убогие и юродивые, и странники. Голодные и замерзшие» [НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 50. № 372. Л. 35]. Паломники приносили к иконе в качестве пожертвований «домотканые и фабричные сукна, разные холста, вышитые узорчатые полотенца и широкие скатерти, лен, хлебные продукты и другое. Даже денежные суммы» [НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 50. № 372. Л. 35].

Среди религиозных понятий, связанных с паломничеством, богоугодным делом в России повсеместно считались подаяние и принятие на ночлег странников и богомоллов [Громыко, Буганов 2007, 150]. Однако по данным, приведенным Т. А. Бернштам, в конце XIX в. во многих сельских местностях, через которые проходили богомольцы, уже далеко не всегда можно было найти бесплатное жилье и получить подаяние [Бернштам 2007, 335-336]. Судя по сведениям К. А. Силакова, Шимозерская волость не входила в их число. Он пишет: «Многие богомольцы жили неделями, они находили уют в разных деревнях. ... Убогие, юродивые и странники ходили по деревням, заходя в каждый дом, просили милостыню ради Христа на питание. И снова заходили умолять свои грехи перед новоявленной иконой» [НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 50. № 372. Л. 35].

После смерти хозяев избушки, где находилась новоявленная икона, было принято решение, одобренное Синодом, о ее перенесении из д. Сюрьга в Шимозерскую Знаменскую церковь. Крестный ход с иконой назначался на последнее воскресенье июля месяца. Как пишет К. А. Силаков, в Сюрьге «в данное воскресенье испокон веку собираются верующие, празднуется теплая Микола» [НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 50. № 372. Л. 43].

Действительно, у шимозерских вепсов в дд. Сюрьга, Линжозеро, Полозеро в прошлом отмечался праздник, который носил название *Теплый Никола (Микола)*. Но он имел и еще одно вепское название *Ristpühäpei* – букв. «крестное воскресенье», о котором автор не упоминает. Двойное название свидетельствует о контаминации двух знаменательных событий. Рассмотрим, каких.

Определение времени празднования *Ristpühäpei* = *Теплого Никола* 24–30.07 по ст. ст. (6–12.08 по н. ст.)

Годы	Дни недели							
	Понедельник	Вторник	Среда	Четверг	Пятница	Суббота	Воскресенье	Воскресенье (через неделю)
1-й год	Ильин день	21.07 (3.08)	22.07 (4.08)	23.07 (5.08)	24.07 (6.08)	7.08	26.07 (8.08)	
2-й год		Ильин день	21.07 (3.08)	22.07 (4.08)	23.07 (5.08)	24.07 (6.08)	25.07 (7.08)	
3-й год			Ильин день	21.07 (3.08)	22.07 (4.08)	23.07 (5.08)	24.07 (6.08)	
4-й год				Ильин день	21.07 (3.08)	22.07 (4.08)	23.07 (5.08)+ 7 дней	30.07 (12.08)
5-й год					Ильин день	21.07 (3.08)	22.07 (4.08) + 7 дней	29.07 (11.08) Рождество Святителя Николая
6-й год						Ильин день	21.07 (3.08) + 7 дней	28.07 (10.08)
7-й год							Ильин день 20.07 (2.08) + 7 дней	27.07 (9.08)

Впервые этот праздник был описан уроженцем этих мест языковедом Н. И. Богдановым [НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 43. № 204. Л. 160]. Сопровождался он молебном и купанием людей в «иордани» на оз. Яндозеро. Название праздника (букв. «крестное воскресенье») и форма его проведения позволили Н. И. Богданову сделать вывод, что *Ristpühäpei* связан с довольно древним событием – первым крещением вепсов этой местности. Следует отметить еще одну уникальную особенность этого праздника: его скользящий график отмечаия, которое отсчитывалось от дня Ильи Пророка – 20.07 по ст.ст. или 2.08 по

н. ст. (см. табл.). Празднование происходило в первое воскресенье после Ильина дня (если Ильин день был до четверга) или через воскресенье (если Ильин день приходился на четверг или после него). Как известно, праздники древнего происхождения первоначально были приурочены к воскресеньям, т. е. к запретным на работу дням недели. Судя по составленной мной таблице, праздник в течение 7 лет мог приходиться на числа с 24 по 30 июля (по ст. ст.) или с 6 по 12 августа (по н. с.), т. е. чаще, а именно: 6 из 7 лет, праздновался в последнее воскресенье июля, что и осталось в памяти К. А. Силакова.

Кроме того, раз в 7 лет праздник совпадал с Рождеством Святителя Николая (29.07/11.08), что объясняет и его второе название: *теплый Никола (Микола)*. Судя по обнаруженным архивным документам, этому святому была посвящена местная часовня в д. Линжозеро, праздниками которой были «*Никола вешняя, теплая и холодная*» [АРЭМ. Р. 119. Оп. 1. № 344. Т. 8. Л. 1]. В часовне имелась икона Николая Чудотворца, явившаяся, по преданию в роще во времена первых основателей деревни, которые нашли икону и понесли в соседнюю д. Сюрьюгу. «*По дороге они ослепли и не знали, куда идти. Встретившийся прохожий увидел, что мужички топчутся на месте, подошел и узнал, в чем дело. Тогда решили, что икона не хочет, чтобы ее уносили из рощи, а потому вернулись и стали собирать средства на постройку часовни*» [АРЭМ. Р. 119. Оп. 1. № 344. Т. 8. Л. 1].

Здесь уместно упомянуть, что до 1919 г. в России отмечались как *общенациональные* два основных праздника в честь Николая Чудотворца. В русской народной традиции они назывались *Никола зимний* и *Никола вешний*. *Никола зимний* – это памятный день смерти святого (6/19.12). *Никола вешний* – день, установленный по случаю перенесения мощей Николая Чудотворца в итальянский город Бари (6/22.05). В старину, помимо *Никола вешнего* и *зимнего*, торжественно отмечалось ещё и Рождество Святителя Николая (29.07/11.08), упраздненное в царствование Екатерины Великой. В Великом Новгороде существовал даже монастырь, посвященный Рождеству Святителя Николая [Болотин 2013]. Без сомнения, это забытое событие отразилось в праздничной традиции Шимозерья, наложившись на древний праздник первого крещения вепсов данной округи и заимствовав его скользящую дату.

День перенесения иконы начался с молебна в избушке Гавриловых: «*А на площади у низенькой избушки Абрама д. Сюрьюга полным ходом идет богослужение. Верующие подают записки на молебен во исцеление их от болезней и спасение грехов. Дьякон, махая кадилом, обходит круг молящихся. Народ часто и размашисто крестится, воздевая глаза к новоявленной иконе, которая окружена кругом церковными хоругвями на стене избушки*» [НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 50. № 372. Л. 44].

К. А. Силаков дает подробное описание крестного хода с новоявленной иконой, позволяющее предположить, что он был очевидцем этого торжества: «*В торжественном строю первыми идут купец Мартьянов с сыном Николаем. Они несут большой портрет государя Николая с двуглавым орлом. За ними двое благочинных несут в золотом киоте новоявленную икону. За иконой следуют Архимандрит и Архиерей, а 4 священника по сторонам поддерживают их ризы. Затем над толпой высоко вознесены искрящиеся от солнца разноцветные хоругви с изображением святых угодников. Служители церковного культа несут образа: Георгия победоносца, распятия Иисуса Христа, Казанской божией матери, образ Страшного Суда. Две нарядные купчихи несут деревянный футляр от иконы*» [НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 50. № 372. Л. 47].

Как следует из архивного документа, приводимого М. В. Пулькиным, «по распоряжению епископа икону перевезли в кафедральный собор Петрозаводска» [Пулькин 2009, 222]. К. А. Силаков достаточно уверенно сообщает, что «*живописная икона поручицы божьей матери до Октябрьской революции 1917 г. находилась в Шимозерской Знаменской церкви. После отделения церкви от государства в этом соборе стал клуб. А эту икону и несколько других икон забрали две сестры-монашенки Мишкина Матрена и Мишкина Елена и увезли в свою деревнюшку Пустоша. Скоро Мишкина Матрена померла. После этого Мишкина Елена увезла эту икону в Ленинградскую область. И в данное время – 1968 год икона поручицы находится в д. Володарская Гиморецкого с/с Подпорожского р-на Ленинградской области*» [НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 50. № 372. Л.52]. Дальнейшая судьба иконы неизвестна; необходимы ее поиски.

Так выстраивается достоверная историческая линия, связанная с *шимозерской иконой*. Но интерпретация этого явления, данная автором, явно представлена под влиянием широко пропагандируемой в средствах массовой информации официальной советской гипотезы: «все обновления икон сделаны человеческими руками, а не сверхъестественной силой» [Бутов, Томин 2018, 25]. Газеты пестрили статьями о разоблачении «чудес» и раскрытии виновных обмана, прежде всего – священников. У К. А. Силакова идейным вдохновителем этого обмана стал поп Петр Попов, которому помогали купец Мартемьян Петрович Мартьянов и иконописец Кузьма из Владимирской губернии, обновивший

икону. По крайней мере, два имени подлинны. В местной печати, мемуарной литературе и в архивных источниках это заслуженные люди Шимозерской волости. Священник Петр Стефанович Попов был настоятелем Шимозерского прихода примерно с 1899 по 1904 г., заведующим, законоучителем и учителем церковно-приходской одноклассной школы [Список духовенства 2020]. По сведениям, скрупулезно собираемым сотрудницей Музея изобразительных искусств г. Петрозаводска Л. А. Никифоровой, Мартемьян Петрович Мартьянов – знаменитый охотник на медведей, состоявший около десяти лет в егерской службе Великого князя Николая Николаевича Младшего, побывавший на коронации императора Николая II; волостной старшина и церковный староста, благотворитель. Он содержал в Шимозере торговую лавку и кожевню. В послужном списке церковного старосты Мартемьяна Мартьянова содержатся сведения о его личных пожертвованиях в храм Знамения Пресвятой Богородицы Шимозерского прихода и полученных им наградах [Никифорова 2019].

Упоминание об иконописце из Владимирской губернии тоже выглядит убедительным. В указанной губернии был распространен иконописный промысел. Отсюда часто выписывали мастеров для работ в новостроящихся храмах в разных местах [Иконописный промысел 1913, 2]. По сведениям К. А. Силакова, владимирские иконописцы обновляли и украшали под золото иконостас Шимозерской Знаменской церкви, а купол внутри разрисовывали и наводили «разные изображения святых угодников и картин страшного суда божия» [НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 50. № 372. Л. 2].

И. С. Бутов и Н. В. Томин, изучавшие интерпретации о возможных причинах обновления икон, относящиеся к периоду XIX – начала XXI в., пришли к выводу, что этот феномен не может быть полностью объяснен простыми рациональными причинами (обман, ошибочные трактовки и/или редкие природные явления). Как отмечают авторы, официальная советская гипотеза о фальсификации чудес оставляет без ответов ряд вопросов. «Почему такое множество людей подвергало себя опасности, зная, что за этим практически всегда последуют репрессии, вплоть до смертного приговора? Зачем верующие люди брали на себя «полномочия Бога», имитируя чудо, зная, что это страшный грех? Вероятно, во многих случаях население всё-таки было не инициатором “чудесных событий”, а лишь невольным очевидцем некоего неизвестного явления» [Бутов, Томин 2018, 29].

Итак, несмотря на полную зависимость К. А. Силакова от советских доктрин при интерпретации событий, комплексный анализ нарратива, архивных документов и опубликованных данных продемонстрировал продуктивность исследования «наивной литературы» на историко-этнографическую тематику, позволил существенно расширить знание об иконопочитании в дореволюционных вепских деревнях и населения Шимозерья, в частности.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Бернштам Т. А. Приходская жизнь русской деревни: очерки по церковной этнографии. 2-е изд. СПб.: Изд-во С-Петербург. ун-та; Петербургское Востоковедение, 2007. 311 с.

Болотин Л. Рождество святителя Николая Чудотворца. URL: rusk.ru/st.php?dar=49765 (дата обращения: 20.10.2013).

Бутов И. С., Томин Н. В. Обновление икон на историческом фоне // Религиоведение. 2018. № 3. С. 20–34.

Винокурова И. Ю. Вепская семья и семейные отношения // Народы Карелии: историко-этнографические очерки. Петрозаводск: Периодика, 2019. С. 401–410.

Гришечкина Н. В. Чудотворные иконы на Руси. Ростов-н/Д: Феникс, 2006. URL: <http://www.bibliotekar.ru/rusIcon2/1.htm> (дата обращения: 20.02.2019).

Громыко В. В., Буганов А. В. О воззрениях русского народа. М.: Паломник, 2007. 527 с.

Иконописный промысел во Владимирской губернии // Владимирские епархиальные ведомости. 1913. № 2. С. 1–3.

Ливеровский Е. Охота на медведей в Лодейнопольском уезде // Олонецкие губернские ведомости. 1875. № 24. С. 280–282.

Неклюдов С. Ю. От составителя // «Наивная литература»: исследования и тексты. Сост.: С. Ю. Неклюдов. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. С. 4–21.

Никифорова Л. А. Известный вепс Мартемьян Мартьянов: охота на медведя и не только ... (по данным местной печати, мемуарной литературы и архивным источникам) // Аннотации докладов научно-практической конференции «Коренные народы Карелии: история и современность». Петрозаводск, 24–25 октября 2019 г. С. 28–29. URL: <http://illhportal.krc.karelia.ru/event.php?id=333&plang=r> (дата обращения: 25.10.2019).

Овчинникова Н. А. Состав церковных приходов Вытегорского и части Лодейнопольского уездов Олонецкой губернии в середине XIX – первой четверти XX вв. URL: <https://forum.vgd.ru/post/1067/103369/r3154681.htm> (дата обращения: 20.02.2019).

Петухов А. Трудная судьба потомков веси // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. Ювяскюля: Афина, 1995. С. 437–451.

Приборович А. А. Контент-анализ – форма исторического исследования // Роль личности в истории: реальность и проблемы изучения: науч. сб. (по материалам 1-й Международной научно-практической Интернет-конференции). Минск: БГУ, 2011. С. 153–159.

Пулькин М. В. Православный приход и власть в середине XVIII в. – начале XX в. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009. 422 с.

Список духовенства Олонецкой губернии на 1904 год (включая церковно-приходские школы и инославное духовенство). URL: <http://www.petergen.com/bovkalosp/olon1904.html> (дата обращения: 09.02.2020).

Цеханская К. В. Иконы в народной жизни // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков. М., «Наука», 2001. С. 300–315.

Архив Российского географического общества (АРГО).

АРГО. Р. 119. Оп. 1. № 344.

Научный архив Карельского научного центра РАН (НА КарНЦ).

НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 43. № 204. 227 л.

НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 50. № 371. 74 л.

НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 50. № 372. 147 л.

НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 50. № 373. 98 л.

Поступила в редакцию 20.08.2020

Винокурова Ирина Юрьевна,

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН

185910, Россия, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11

E-mail: irvin@sampo.ru

I. Yu. Vinokurova

EVENTS RELATED TO THE RENEWAL OF THE ICON IN THE PARISH LIFE OF THE VEPSIANS OF SHIMOZERYE (BY THE MATERIALS OF THE MANUSCRIPTS OF K. A. SILAKOV)

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-3-540-548

The article raises an almost unexplored question – the veneration of icons in the traditional culture of the Vepsian people, which is considered on the basis of a unique archival source – K. A. Silakov's manuscripts about the pre-revolutionary life of the Vepsian Shimozero. In 1958-1959, due to extreme socio-economic conditions caused by the regional authorities, residents of the Shimozero region were forced to leave their homeland in the Vytegorsky district of the Vologda region and move to other places. This migration, which went down in the history of the Vepsian people as the tragedy of Shimozero, aroused a constant interest in this disappeared group. In connection with this situation, the introduction of K. A. Silakov's manuscripts into scientific circulation becomes particularly relevant. Silakov's presentation of manuscripts in the form of stories, their names and content allow us to refer them to the type of literature that is called “naive literature” in science. When analyzing such texts, it is important to determine the reliability of the available facts, as well as the research approach to them, depending on the purpose of the study. The purpose of the article is to consider the events described in the manuscript of the parish life of the Shimozero Veps of the late 19th – early 20th centuries, related to the renewal of the icon of the mother of God in the context of historical and ethnographic information, in order to fully cover this little-known topic and correct some points distorted by the author. As shown by contextual analysis of narratives, they capture real events and people, which, however, are evaluated by the author in the spirit of Soviet ideology, which, of course, influenced the reliable description of the events in Shimozero conceived by him. Nevertheless, the consideration of narratives in the context and in combination with archival documents and published data showed the productivity of studying “naive literature” on historical and ethnographic topics, significantly expanding the knowledge about the veneration of icons in Veps villages and especially the population of Shimozero.

Keywords: Veps, etnolocal group, narrative source, Orthodox parish, veneration of icons, icon renewal, pilgrimage, holidays.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2020, vol. 14, issue 3, pp. 540–548. In Russian.

REFERENCES

Bernshtam T. A. *Prikhodskaya zhizn' russkoi derevni: ocherki po tserkovnoi ehtnografii* [Parish Life of a Russian Village: Essays on Church Ethnography]. 2nd ed. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg. University Petersburg Oriental Studies, 2007. 311 p. In Russian.

Bolotin L. *Rozhdestvo svyatitelya Nikolaya Chudotvortsya* [The birth of St. Nicholas the Wonderworker]. URL: rusk.ru/st.php?dar=49765 (accessed: 10.20.2013). In Russian.

Butov I. S., Tomin N. V. Obnovlenie ikon na istoricheskom fone [Updating icons on a historical background]. *Religiovedenie* [Religious Studies]. 2018, no. 3, pp. 20–34. In Russian.

Vinokurova I. Yu. Vepsskaya sem'ya i semeinye otnosheniya [Vepsian family and family relations]. *Narody Karelii: istoriko-etnograficheskie ocherki* [Peoples of Karelia: historical and ethnographic essays]. Petrozavodsk: Periodicals Publ., 2019, pp. 401–410. In Russian.

Grishechkina N. V. *Chudotvornye ikony na Rusi* [Miraculous icons in Russia]. Rostov-on-Don: Feniks Publ., 2006. URL: <http://www.bibliotekar.ru/rusIcon2/1.htm> (accessed: 02.20.2019). In Russian.

Gromyko V. V., Buganov A. V. *O vozzreniyakh russkogo naroda* [On the views of the Russian people]. Moscow: Pilgrim Publ., 2007. 527 p. In Russian.

Ikonopisnyi promysel vo Vladimirskoi gubernii [Icon painting in the Vladimir province]. *Vladimirskie eparkhial'nye vedomosti* [Vladimir diocesan sheets]. 1913, no. 2, pp. 1–3. In Russian.

Liverovskii E. Okhota na medvedei v Lodeinopol'skom uезде [Hunting for bears in Lodeynopolsky district] *Olonetskie gubernskie vedomosti* [Olonets provincial sheets]. 1875, no. 24, pp. 280–282. In Russian.

Neklyudov S. Yu. Ot sostavitelya [From the compiler]. «*Naivnaya literatura*»: issledovaniya i teksty [“Naive literature”: studies and texts]. Moscow: Moscow Public Science Foundation, 2001, pp. 4–21. In Russian.

Nikiforova L. A. Izvestnyi veps Martem'yan Mart'yanov: okhota na medvedya i ne tol'ko ... (po dannym mestnoi pechati, memuarnoi literatury i arkhivnym istochnikam) [Famous Veps Martemyan Martyanov: bear hunting and more ... (according to the local press, memoirs and archival sources)]. *Annotatsii dokladov nauchno-prakticheskoi konferentsii «Korennyye narody Karelii: istoriya i sovremennost'»* [Annotations of the reports of the scientific-practical conference "Indigenous peoples of Karelia: history and modernity"]. Petrozavodsk, 2019, pp. 28–29.

URL: <http://illportal.krc.karelia.ru/event.php?id=333&plang=r> (accessed: 10.25.2019). In Russian.

Ovchinnikova N. A. *Sostav tserkovnykh prikhodov Vytegor'skogo i chasti Lodeinopol'skogo uездov Olonetskoj gubernii v seredine XIX – pervoi chetverti XX vv.* [The composition of the church parishes of Vytegor'sky and part of Lodeynopolsky counties of the Olonets province in the middle of the 19th – first quarter of the 20th centuries]. URL: <https://forum.vgd.ru/post/1067/103369/p3154681.htm> (accessed: 02.20.2019). In Russian.

Petukhov A. Trudnaya sud'ba potomkov vesi [The difficult fate of the descendants of Vesey]. *Pribaltiisko-finskyye narody. Istoriya i sud'by rodstvennykh narodov* [Baltic-Finnish peoples. The history and fate of related peoples]. Jyväskylä: Athena, 1995, pp. 437–451. In Russian.

Pribovich A. A. Kontent-analiz – forma istoricheskogo issledovaniya [Content analysis – a form of historical research]. *Rol' lichnosti v istorii: real'nost' i problemy izucheniya: nauch. sb. (po materialam 1-i Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoi Internet-konferentsii)*. [The role of personality in history: reality and problems of study: scientific compilation (based on the materials of the 1st International Scientific and Practical Internet Conference)]. Minsk: Belarusian State University, 2011, pp. 153–159. In Russian.

Pul'kin M. V. *Pravoslavnyi prikhod i vlast' v seredine XVIII v. – nachale XX v.* [Orthodox parish and power in the middle of the 18th century – beginning of 20th century]. Petrozavodsk: Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2009. 442 p. In Russian.

Spisok dukhovenstva Olonetskoj gubernii na 1904 god (vklyuchaya tserkovno-prihodskie shkoly i inoslavnoe dukhovenstvo) [List of clergy of the Olonets province for 1904 (including parish schools and non-Orthodox clergy)]. URL: <http://www.petergen.com/bovkalosp/olon1904.html> (accessed: 02.09.2020).

Tsekhanskaya K. V. Ikony v narodnoi zhizni [Icons in the national life] *Pravoslavnyaya zhizn' russkikh krest'yan XIX – XX vekov* [Orthodox life of Russian peasants of the 19th – 20th centuries]. Moscow, Nauka, 2001, pp. 300–315. In Russian. Arkhiv Rossiiskogo geograficheskogo obshchestva [Archive of the Russian Geographical Society] (ARGO).

ARGO. R. 119. Op. 1. No 344.

Nauchnyi arkhiv Karel'skogo nauchnogo tsentra RAN [Scientific Archive of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences] (NA KaRNTs).

NA KaRNTs. F. 1. Op.43. No 204. 227 l.

NA KaRNTs. F. 1. Op. 50. No 371. 74 l.

NA KaRNTs. F. 1. Op. 50. No 372. 147 l.

NA KaRNTs. F. 1. Op. 50. No 373. 98 l.

Received 20.08.2020

Vinokurova Irina Yuryevna,

Doctor of History, Leading Researcher

Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Center of RAS

Pushkinskaya st., 11, Petrozavodsk, 185910, Russian Federation

E-mail: irvin@sampo.ru